

495
БОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Р. 177

РОДА

АЛКОВА

НОНА

П. АКСЕЛЬРОДЪ

КЪ ВОПРОСУ О

РЕМЕННЫХЪ ЗАДАЧАХЪ И ТАКТИКЪ

УССКИХЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТОВЪ

НИЕ „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ“

ЖЕНЕВА

ИЗОГРАФІЯ „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ“.

1898

Фондов Российской национальной библио-

А. 2495

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

П. АКСЕЛЬРОДЪ

КЪ ВОПРОСУ О

СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАДАЧАХЪ И ТАКТИКЪ

РУССКИХЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТОВЪ

ИЗДАНИЕ „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ“

ЖЕНЕВА

ГИПОГРАФІЯ „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ“.

1898

СДОБРСОНА П.

о зоопарке

АНИМАЛЫ И ИХ СТАТЬИ

СЕВЕРНЫЙ АСТРОНOMИЧЕСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО УЧЕБНО-ПУБЛИЧНО-

ИЗДАТЕЛЬСТВО УЧЕБНО-ПУБЛИЧНО-

Из фондов Российской национальной библиотеки

АНАЛИЗ

Ранее изданное в 1906 году в журнале "Советский зоолог" в 1906 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Печатаемые Письма предназначались и написаны были первоначально, одно — для новогоднего сборника, издание которого задумано было „Русскимъ Соціальдемократическимъ Обществомъ“ въ Нью-Йоркѣ, другое — для № 2 „Рабочей Газеты“, издающейся въ Россіи. Но литературный проектъ нашихъ нью-йоркскихъ товарищъ не осуществился: — сборникъ ихъ не вышелъ въ свѣтъ. Второе Письмо также не появилось еще въ печати, хотя и по другой причинѣ. Когда оно попало въ руки редакціи „Рабочей Газеты“, № 2 этого соціальдемократического органа былъ уже готовъ, а, можетъ быть, даже отпечатанъ.

Второе Письмо отчасти дополняетъ первое, и оба вмѣстѣ конкретнѣе развиваются и поясняются до пзвѣстной степени ту руководящую мысль и тѣ руководящія тенденціи, которая лежатъ въ основе, но не формулированы, въ моемъ Послѣсловіи къ брошюре „Объ Агитациі“. Я пытаюсь, поэтому, надеждой, что Письма эти разсвѣтятъ нѣсколько тѣ недоразумѣнія, которые „Послѣсловіе“ вызвало въ нѣкоторыхъ соц.-демократич. кружкахъ.

Въ первой изъ предлагаемыхъ статей я подчеркнулъ индифферентизмъ большинства марксистской молодежи въ прошломъ десятилѣтіи къ нѣкоторымъ изъ наиболѣе основныхъ отрицательныхъ сторонъ русской жизни. Этимъ я отнюдь не хотѣлъ набрасывать тѣни на первыхъ пионеровъ нашего движенія. Односторонности и теоретическія преувеличенія неизбѣжны для всякаго нового направленія мысли на первыхъ стадіяхъ его развитія, когда ему приходится въ тяжелой борьбѣ завоевать

вывать себѣ право на жизнь. А обстоятельства, при которыхъ зародилось марксистское теченіе въ Россіи, были особенно неблагопріятны и болѣе, чѣмъ достаточны для того, чтобы всецѣло оправдать первыхъ молодыхъ его представителей отъ всякихъ упрековъ въ „односторонности“, „узкости“ и т. п. Замѣчу кстати, что не народникамъ упрекать ихъ въ политическомъ индифферентизмѣ. Настоящимъ теоретикомъ этого индифферентизма явился никто иной, какъ г. Н. — онъ, а г. В. В. уже въ началѣ 80-хъ годовъ пропагандировалъ даже союзъ демократіи съ абсолютизмомъ.

Цюрихъ, мартъ 1898 г.

П. А.

Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактике русскихъ соціальдемократовъ.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО.

Ноябрь 1897 г.

ДОРОГІЕ ТОВАРИЩІ!

Скоро будетъ 15 лѣтъ, какъ родилась русская соціаль-демократія. Но не въ самой Россіи, въ пылу героической борьбы революціонной партіи съ правительствомъ, а среди маленькой группы эмигрантовъ, спасшихся волею судьбы отъ участія, постигшей большинство ихъ друзей и товарищей. Борьбы въ настоящемъ смыслѣ слова уже не было, раздавалось только шумное ликованіе царевыхъ слугъ, разыскивавшихъ и беспощадно добивавшихъ попавшіеся имъ въ руки остатки недавно еще столь грозныхъ отрядовъ русской революціонной партії. Новое для Россіи революціонное дѣтище появилось на свѣтѣ въ самый разгаръ реакціи — реакціи не только правительственної, но и общественной. Либеральная силы перепугались и съежились, когда увидѣли, что за „Народной Волей“ нѣть никакой силы, что она представляетъ собою лишь авангардъ отважныхъ борцовъ, борцовъ, правда, неустранимыхъ и полныхъ непоколебимой энергіи, но все же безсильныхъ одолѣть врага — за неимѣніемъ арміи. Когда правитель-

ство пребывало въ вѣчномъ страхѣ и трепетѣ подъ ударами революціонеровъ, либеральное общество втихомолку, по крайней мѣрѣ, восторгалось ими и до извѣстной степени оказывало имъ поддержку. Но лишь только реакція одолѣла партію „Народной Воли“, симпатіи либераловъ къ революціонному движению вдругъ испарились, уступивъ мѣсто вполнѣшему индифферентизму, чтобы не сказать больше. Учащаяся молодежь, съ своей стороны, была слишкомъ ошеломлена и разочарована трагическимъ исходомъ движения, руководимаго „Исполнительнымъ Комитетомъ“, чтобы не усомниться въ самой цѣлесообразности революціонныхъ путей, а безъ активной поддержки этой молодежи и непрерывнаго притока бойцовъ изъ ея среды движение не могло возобновиться, такъ какъ рабочая *масса* оставалась тогда совсѣмъ еще не затронутой революціонной агитацией. Программа „Группы Освобожденія Труда“ явилась именно отвѣтомъ на вопросъ: какъ выйти изъ этого тяжелаго положенія? Откуда взять силы для возобновленія борьбы съ самодержавіемъ и какъ вести эту борьбу съ наибольшими шансами на побѣду?

Возвышая голосъ во имя народа, они (демократические идеологии высшихъ классовъ) съ удивленіемъ видятъ, что народъ равнодушень къ ихъ призываѣтъ; отсюда — неустойчивость политическихъ воззрѣй, а временами уныніе и полное разочарованіе нашей интеллигенції^{*)}. Вы сами знаете, какой выходъ изъ этого положенія былъ указанъ „Группой Освобожденія Труда“. „Образованіе революціонной рабочей партіи, первой задачей которой должно быть низверженіе абсолютизма“ — этими словами „Гр. Ос. Тр.“ формулировала тотъ путь, на который слѣдовало бы вступить революціонной интеллигенціи. Въ извѣстной брошюрѣ Плеханова „Соціализмъ и Политическая Борьба“ практическія задачи русской соціальдемократіи были впервые теоретически обоснованы. Но тѣ же обстоятельства, которыя

вызвали къ жизни литературное соціаль-демократическое теченіе, оказались большимъ тормазомъ для возникновенія живого соціаль-демократического движенія въ самой Россіи. Можно сказать, что въ теченіе цѣлаго десятилѣтія оно оставалось въ состояніи зародыша; только въ послѣдніе годы оно начинаетъ проявлять жизнь и принимать формы, обѣщающія быстрый и здоровый ростъ.

Говоря, что движение наше до недавняго времени оставалось въ зародышевомъ состояніи, я имѣю въ виду не одни лишь непосредственно практическія проявленія его, не одну только практическую дѣятельность представителей его въ Россіи. Оно и въ теоріи, и по вопросамъ *программнымъ* только теперь начинаетъ становиться на почву соціаль-демократіи. Дѣло въ томъ, что ученія послѣдней, будучи интернаціональными, охватываютъ общий ходъ и всемирноисторическая условія и задачи освободительного движения пролетаріата, даютъ только теоретическую основу и указываютъ общее направлѣніе его, но отнюдь не опредѣляютъ ещеaprорнымъ образомъ национальной программы рабочихъ партій въ каждой отдельной странѣ.

Здѣсь, впрочемъ, слѣдуетъ сдѣлать одну оговорку: соціальная демократія возникла и окрѣпла въ странахъ, уже покончившихъ съ той эпохой развитія капитализма и буржуазного общества, которую переживаетъ современная Россія. Какъ ни сильно различаются онѣ по своимъ политическимъ учрежденіямъ, основные условія существованія пролетаріата въ нихъ, если не тождественны, то однородны. Поэтому, и въ практическихъ задачахъ, въ программѣ и тактике ихъ соціальдемократическихъ партій не можетъ быть существенной разницы. Разница тутъ можетъ быть только въ деталяхъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится русская соціальдемократія. Россія, вступившая уже въ эпоху промышленнаго капитализма, вмѣстѣ съ тѣмъ живетъ и на примитивныхъ ступеняхъ его: она далеко еще не покончила съ эпохой первоначального накопленія, и народу

^{*)} Проектъ программы.

русскому приходится одновременно переживать страдания, вызываемые прогрессом крупной промышленности, и гнеть экономического и политического варварства, соответствующего периодам капиталистической эволюции, давно уже пережитыми передовыми народами Запада. Русскому промышленному пролетариату приходится начинать свою историческую карьеру в тисках бюрократического абсолютизма и подъ высоким давлением *насильственной экспроприации* и дифференциации крестьянства, совершающихся совместными силами государства и торгово-ростовщического капитала. Обездоленные и некультурные сельские массы бѣгутъ въ города и обезцѣниваются и безъ того болѣе чѣмъ дешевый трудъ уже сформированныхъ кадровъ городского рабочаго класса. Уже однѣ эти особенности исторического положенія послѣдняго требуютъ иной постановки вопроса о *ближайшихъ задачахъ* его освободительного движения, чѣмъ на Западѣ. Мысль эта очень опредѣленно и ясно выражена уже въ обнародованной „Группой Осв. Труда“ программѣ въ слѣдующихъ словахъ:

„Практическія задачи, а слѣдовательно, и программы соціаль-демократовъ естественно должны имѣть болѣе сложный характеръ въ тѣхъ странахъ, гдѣ современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующимъ, и гдѣ трудящаяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархального хозяйства. Въ такихъ странахъ соціальдемократамъ приходится добиваться, какъ переходныхъ ступеней, такихъ формъ общественного устройства, которыя уже теперь существуютъ въ передовыхъ странахъ, и необходимы для дальнѣйшаго развитія рабочей партіи.

Россія находится именно въ такомъ положеніи.“

Эта точка зренія на задачи русской соціальдемократіи позволила представителямъ новаго теченія революціонной мысли отнестиась къ бунтарско-террористическому периоду нашего революціонного движения не только какъ къ объекту отрицанія. Въ ихъ представлениі соціальдемократизмъ долженъ быть явиться лишь новой эволюціей движения, уже начатаго и создавшаго

извѣстную традицію, эволюцію, имѣющей не выбросить за бортъ, а напротивъ, сохранить и, такъ сказать, оживить новой теоріей положительные элементы революціоннаго народничества. Революціонеры 70-хъ годовъ принимали въ разсчетъ интересы одного лишь крестьянства и строили свою программу на положительномъ и отрицательномъ отношеніи къ остаткамъ крѣпостной эпохи, почти что игнорируя измѣненія, вносимыя въ русскую жизнь успѣхами крупной промышленности. Изъ новыхъ явлений этой жизни имъ больше всего бросались въ глаза растущій гнеть рыцарей кулацко-торгового капитала и порабощеніе ими себѣ все большихъ и большихъ массъ деревенского населенія. Эта односторонность, объясняющаяся зачаточнымъ состояніемъ промышленного капитализма въ періодъ возникновенія и выработки народническихъ ученій, гибельно отразилось на движеніи 70-хъ годовъ. Какъ бы то ни было, тѣ элементы русской дѣятельности, которыми опредѣлялось содержаніе и направленіе народничества, образуютъ въ своей совокупности національно-историческія условия, въ которыхъ приходится выступать на историческое поприще нашему пролетариату. Они-то и обусловливаютъ и „болѣе сложный характеръ“ практическихъ задачъ русской соціальдемократіи. И поскольку народничество было революціонно, т. е. выступало противъ сословно-бюрократического государства и поддерживаемыхъ имъ варварскихъ формъ эксплуатациіи и угнетенія народныхъ массъ, постольку оно должно было войти, съ соотвѣтствующими измѣненіями, какъ составной элементъ въ программу русской соціальдемократіи. Чтобы, ради экономіи, не входить въ пространнныя разъясненія, приведу еще пару выдѣлекъ изъ программы „Гр. Осв. Тр.“

„Старая система натуральнаго хозяйства уступаетъ мѣсто товарному производству и тѣмъ самимъ открываетъ огромный внутренній рынокъ для крупной промышленности. Патріархальная, общинная формы крестьянскаго землевладѣнія быстро разлагаются, община превращается въ простое средство закрѣпощенія государ-

ству крестьянского населения, а во многихъ мѣстностяхъ она служить также орудіемъ эксплуатации бѣдныхъ общинниковъ богатыми.

„Русское революціонное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встрѣчается въ немъ ни поддержки, ни сочувствія, ни пониманія. Главнѣйшая опора абсолютизма заключается именно въ политическомъ безправіи и умственной отсталости крестьянства. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является безсиліе и робость тѣхъ образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ, материальными, умственными и нравственными интересами которыхъ противорѣчить современная политическая система.

„Такое положеніе дѣлъ было бы вполнѣ безнадежно, если бы указанное движение русскихъ экономическихъ отношеній не создавало новыхъ шансовъ успѣха для защитниковъ интересовъ трудящагося класса. Разложеніе общины создаетъ у насъ новый классъ промышленного пролетариата. Болѣе воспиримчивый, подвижный и развитой, классъ этотъ легче отзыается на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое крестьянское населеніе.

„Въ лицѣ этого класса народъ нашъ впервые попадаетъ въ экономической условіи, общія всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, а потому только черезъ посредство этого класса оно и можетъ принять участіе въ передовыхъ стремленіяхъ цивилизованного человѣчества. На этомъ основаніи, русскіе соціаль-демократы считаютъ первую и главнѣйшую своею обязанностью образование революціонной рабочей партіи“.

Въ этихъ выдержкахъ само собою бросается въ глаза не только отрицательное, но и положительное отношение нового теченія русской революціонной мысли къ бунтарско-террористическому періоду нашего движенія. Характернѣе всего здѣсь заявленіе, что русская революція послужила бы „прежде всего на пользу крестьянства“. Далеко не лишено значенія также то замѣченіе, въ которомъ косвеннымъ образомъ, какъ г҃ѣто само собою подразумѣвающеся, признается огромное революціонное значеніе за энергичной оппозиціей либеральныхъ слоевъ общества правительству, если бы у насъ таковая имѣлась. Въ этомъ пунктѣ заграничная группа русскихъ соціаль-демократовъ выразила тенденцію партіи „Нар. Воли“, которая, въ лицѣ Желябова напр., считала необходимымъ союзъ революціонеровъ съ ли-

берально-оппозиціонными элементами „для завоеванія возможно болѣе демократической конституції“. Наконецъ, если вникнуть въ практическую мотивировку идеи образованія „революціонной рабочей партіи“ въ современной Россіи, то увидимъ, что и на ней отразилась духовная связь соціаль-демократического течения съ предыдущимъ періодомъ нашего революціонного движения. Политическая организація рабочихъ мотивируется здѣсь не самодовѣрющими интересами пролетариата и не отдаленными цѣлями соціализма, а настоящей необходимости такой организаціи для ближайшихъ общедемократическихъ цѣлей русского революціонного движения, для обеспеченія революціонерамъ успѣха въ борьбѣ противъ современного государства за интересы трудящагося класса, класса вообще, т. е. и крестьянскихъ массъ, и городскихъ рабочихъ. Можно подумать, что въ представлениі первой русской соціаль-демократической группы рабочее движение рисовалось не какъ нѣчто само въ себѣ заключающее цѣль и оправданіе своего существованія, а лишь какъ средство или орудіе, предназначенное служить другимъ общественнымъ силамъ. Такое заключеніе было бы, разумѣется, невѣрно. Но несомнѣнно то, что для этой группы мысль объ организаціи рабочей партіи въ Россіи тѣснѣйшимъ образомъ связывалась съ политическими и соціальными тенденціями и задачами, воодушевлявшими и воодушевляющими всѣ демократические элементы нашей интеллигенціи.

Въ самомъ дѣлѣ, пересматривая пункты программы, о которой здѣсь идетъ рѣчь, мы видимъ, что только одинъ изъ нихъ касается исключительно и всецѣло рабочихъ, именно тотъ, въ которомъ содержится требование серьезного фабричного законодательства и организаціи фабричной инспекціи „съ представительствомъ отъ рабочихъ“. Большая же часть остальныхъ пунктовъ направлена противъ сословной и общественной организаціи и противъ самодержавія; нѣкоторые изъ нихъ, по своему радикализму, идутъ дальше вожделѣній умѣренно

либеральныхъ элементовъ, но за то охватываютъ интересы всей народной массы и всѣхъ слоевъ демократической интелигенціи. Затѣмъ, изъ четырехъ такъ-наз. „экономическихъ требованій“, только одно вышеупомянутое имѣть въ виду исключительно рабочихъ („городскихъ и сельскихъ“), всѣ же другія направлены, главнымъ образомъ, на защиту крестьянъ и кустарей, и только отчасти промышленныхъ пролетаріевъ.

Читатель знаетъ, съ какимъ рвениемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, народники распространяли и распространяютъ легенду объ „узкости“ русскихъ соціальдемократовъ и ихъ крестьянофобіи. Читателю не безинтересно будетъ, поэтому, сопоставить съ этой легендой слѣдующія строки, резюмирующія смыслъ и практическія тенденціи цитированной программы.

„Эти требования — содержаніе которыхъ только-что передано — настолько же благопріятны интересамъ крестьянства, какъ и интересамъ промышленныхъ рабочихъ; поэтому, добиваясь ихъ осуществления, рабочая партія проложитъ себѣ широкій путь для сближенія съ земледѣльческимъ населеніемъ. Выброшенный изъ деревни въ качествѣ обѣднѣвшаго члена общины, пролетарій вернется въ нее соціальдемократическимъ агитаторомъ. Его появленіе въ этой роли измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины. Ея разложение неотвратимо лишь до тѣхъ поръ, пока само это разложеніе не создастъ новой народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Такою силою явится рабочая партія и увлеченная ею бѣднѣвшая часть крестьянства.“

Въ этой характеристикѣ практической программы первыхъ русскихъ соціальдемократовъ недостаетъ еще только одной черты — именно, указанія на то, что „требованія“, перечисленныя въ ней, „благопріятны“ и интересамъ прогрессивныхъ слоевъ высшихъ классовъ вообще, а демократической интелигенціи въ особенности. Обще-демократическая тенденція составляютъ органическій элементъ въ политической дѣятельности пролетаріата всѣхъ странъ. Но они играютъ или должны играть, въ извѣстномъ смыслѣ, еще гораздо большую роль въ Россіи, гдѣ промышленный капитализмъ

развивается еще въ соціально-политической и культурной атмосферѣ эпохи первоначального накопленія, гдѣ буржуазія еще не принимаетъ участія въ управлении государствомъ, а промышленный пролетаріатъ, по своемъ составнымъ элементамъ и условіямъ существованія, въ высокой степени связанъ еще съ деревней. Къ сожалѣнію, тяжелыя обстоятельства, при которыхъ марксизмъ началъ пріобрѣтать вліяніе среди нашей учащейся молодежи, помѣщали послѣдней усвоить его сразу въ примѣненіи къ конкретнымъ историческимъ условіямъ жизни и развитія пролетаріата въ современной Россії. Истощеніе въ интелигенціи активныхъ революціонныхъ силъ и полное разочарованіе въ старыхъ путяхъ сосредоточили мысль и вниманіе идеиной молодежи на саморазвитіи и съзиданіи круга ея интересовъ и стремленій сферой теоретическихъ вопросовъ, главнымъ образомъ, конечно, „соціологическихъ“. Идейная же атмосфера народничества, изъ которого все революціонное вывѣтилось и которое обратилось въ либерально-реакціонную смѣсь, давало очень одностороннее направление этому „саморазвитію“ и работѣ рвавшейся впередъ революціонной мысли. Тѣ элементы учащейся молодежи, симпатии которыхъ тяготѣли къ соціальдемократіи, невольно усваивали ученія послѣдней, какъ „соціологическую доктрину“, безусловно отрицающую все содержаніе народничества, ничего общаго не имѣющую не только съ его либерально-реакціонными вѣроятками, но и съ бунтарско-террористическимъ периодомъ. Но порывая, такимъ образомъ, всякую идеиную связь съ революціоннымъ народничествомъ и его традиціями, элементы эти тѣмъ самымъ вычеркнули изъ списка реальныхъ фактовъ, опредѣляющихъ современное историческое положеніе русского пролетаріата, тѣ элементы русской жизни, которые образуютъ собою реакціонную национально-историческую атмосферу, въ которой задыхается русскій народъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочій классъ. Въ результатѣ такой логической операции, получилась абстрактная доктрина, объяснявшая историческую неиз-

бѣжность капиталистического прогресса и его революционная тенденція въ болѣе или менѣе далекой перспективѣ, по оставлявшая въ тѣни жгучіе вопросы революціонной борьбы въ современной Россіи. Политической индифферентизмъ и безразличное отношение къ страданіямъ и бѣдствіямъ народныхъ массъ, не непосредственно обусловливаемыхъ эксплуатацией рабочаго промышленнаго капиталистомъ, являлись характернѣйшей отличительной чертой чуть не большинства марксистской молодежи въ прошломъ десятилѣтіи. Но разсматривая экономический антагонизмъ наемныхъ рабочихъ и капиталистовъ изолированно отъ окружающей ихъ соціально-политической и культурной среды, мы прямолинейнымъ образомъ приходимъ — въ теоріи — къ абстрактному понятію обѣ отношения труда и капитала, генезисъ и особенности которого объясняется намъ учение Маркса о стоимости и прибавочной стоимости, а на практикѣ — къ такъ-называемой экономической борьбѣ, проще говоря, къ стачкамъ, какъ къ единственному, или по крайней мѣрѣ, главному освободительному средству пролетариата. Въ 80-хъ годахъ, вслѣдствіе крайняго истощенія революціонныхъ силъ и необходимости усвоить основные положенія марксизма, молодые адепты его не могли еще вступить на этотъ путь. Зато тѣмъ усерднѣе ломали они свои головы надъ теоріей стоимости. Многие изъ нихъ попадали при этомъ въ схоластические дебри, серьезно воображая, однако, что они все-таки работаютъ на пользу революціи.

Впрочемъ, въ извѣстномъ смыслѣ, они были правы. Если не всѣ, то лучшіе изъ представителей молодежи, упивавшихся ученіями Маркса, понесли эти послѣднія въ рабочую среду, съ твердымъ намѣреніемъ подготовить тамъ элементы „для будущей русской рабочей партіи“.

Какъ ни абстрактно пропагандировались эти ученія, ихъ революціонное влияніе на передовыхъ рабочихъ начали проявляться уже въ первые годы нашего десятилѣтія. А въ серединѣ его въ кругу марксистской моло-

дежи и спропагандированныхъ рабочихъ накопилось уже столько активныхъ силъ, что сама собою назрѣла потребность въ переходѣ къ живой, непосредственно революціонной дѣятельности. На первыхъ порахъ она приняла одностороннюю форму организацій и поддержки почти однѣхъ только стачекъ. Эта эволюція въ нашемъ соціальдемократическомъ движении была въ значительной мѣрѣ исторически необходима и (что особенно важно) не смотря на свою односторонность, несомнѣнно очень плодотворна съ точки зрѣнія политического развития русского пролетариата и его друзей въ интеллигенціи. Стачечное движение въ какіе-нибудь два года поставило зашевелившіеся рабочіе слои и ихъ организаціонный авангардъ лицомъ къ лицу съ абсолютизмомъ и успѣло уже выдвинуть передъ ними на очередь вопросъ о завоеваніи политической свободы. Этимъ самымъ соціальдемократическое движение вступаетъ на такую почву, которая должна привлечь къ нему симпатіи всѣхъ истинныхъ друзей прогресса въ Россіи, какъ бы отрицательно они ни относились къ теоріямъ и окончательнымъ цѣлямъ соціальной демократіи. Далѣе, агитація на почвѣ экономическихъ интересовъ неизбѣжно приведетъ соціальдемократические кружки въ непосредственное столкновеніе съ фактами, наглядно показывающими тѣснѣшую солидарность интересовъ нашего промышленнаго пролетариата съ крестьянскими массами. Съ другой стороны, съ успѣхомъ и расширениемъ поля агитаций, прогрессивно будутъ рости и потребности соціальдемократіи въ увеличеніи своихъ силъ и средствъ. Уже теперь массовая агитація поглощаетъ тѣхъ и другихъ такое количество, что должна ощущаться нужда въ обезпеченіи и расширеніи источника для ихъ непрерывнаго пополненія и обновленія. Еще настоятельнѣе она, конечно, станетъ тогда, когда русскіе соціальдемократы раздвинутъ рамки своей дѣятельности въ указанномъ направленіи и поведутъ аттаку противъ абсолютизма, хотя и подъ классовымъ знаменемъ пролетариата, но во имя и въ защиту всѣхъ угнетенныхъ и обездо-

ленихъ. Но это же расширение сферы классовой борьбы русского пролетариата и послужитъ вѣрнымъ источникомъ для обеспечения ей постоянного притока необходимыхъ силъ и средствъ.

Господствавший въ средѣ марксистовъ въ 80-хъ годахъ индифферентизмъ ко всѣмъ явленіямъ русской жизни, выходящимъ за сферу непосредственноаго antagonизма труда и капитала, представляя собою своеобразное отраженіе того тактическаго взгляда западной соціальдемократіи, по которому всѣ классы и партіи составляютъ по отношенію къ пролетариату „одну сплошную реакціонную массу“. Этотъ тактический лозунгъ находится въ логической связи съ практическими стремленіями революціоннаго пролетариата на Западѣ къ „политической экспроприації“ высшихъ классовъ и выражаетъ въ нѣсколько гиперболической формѣ тотъ фактъ, что въ силу своего господствующаго положенія въ государствѣ, классы эти не могутъ не выступать принципіальными антагонистами соціаль-демократовъ. Вообще, тактика рѣзко враждебнаго противупоставленія политической организаціи рабочихъ всѣмъ буржуазнымъ партіямъ не есть плодъ соціальдемократического или иного доктринерства. Она органически выросла на исторической почвѣ, характеризующейся, съ одной стороны, рѣзкимъ, окончательнымъ выдѣленіемъ городскихъ рабочихъ изъ общей народной массы въ экономически и культурно особый классъ, а съ другой стороны, полнымъ господствомъ крупнаго капиталистического производства и отсутствиемъ монархическаго абсолютизма въ управлѣніи государствомъ. Особенно важно при этомъ то, что историческое движеніе, создавшее эту почву, подняло вмѣстѣ съ тѣмъ пролетариатъ и на интеллектуальную высоту, дѣлающую его способнымъ къ организованной защитѣ своихъ интересовъ и создало политические условия, дозволяющія ему, если не одерживать рѣшительныхъ побѣдъ надъ соединенными силами другихъ классовъ, то, по крайней мѣрѣ, бороться противъ нихъ и крѣпнуть въ этой борьбѣ.

Въ Россіи нѣть еще самаго главнаго условія для политической борьбы съ буржуазіей — нѣть политическии господствующихъ классовъ, а за то имѣется царь съ чиновниками, самодержавно властующими надъ всей націей. Промышленные рабочие находятся въ непримиримомъ антагонизмѣ съ предпринимателями, т. е. съ однимъ слоемъ капиталистической буржуазіи. Но такъ какъ буржуазія вообще не стоитъ у кормила государственного корабля, то и антагонизмъ пролетариата съ нею непосредственно имѣть лишь экономическій характеръ. И если онъ содержитъ въ себѣ неизыскаемый источникъ импульсовъ для развитія политического сознанія и политическихъ страстей въ нашемъ рабочемъ классѣ, то не въ силу политического господства капиталистическихъ слоевъ буржуазіи, а потому, что они находятся подъ особымъ покровительствомъ царской бюрократіи. Но это относительно привилегированное положеніе торжественно-промышленной буржуазіи является однимъ изъ главныхъ источниковъ для антагонизма и разночинской интелигенціи и образованныхъ слоевъ представителей частнаго землевладѣнія, противъ самодержавнаго строя государства. Наконецъ, въ лицѣ своихъ кулацко-ростовщическихъ слоевъ, наша капиталистическая буржуазія является специальнымъ угнетателемъ и врагомъ бѣднѣйшихъ массъ крестьянства, врагомъ, опять-таки поддерживаемымъ и покровительствуемымъ „соціальной политикой“ абсолютизма и его прислужниковъ. Однимъ словомъ, реальное изложеніе вещей отнюдь не обрекаетъ нашъ промышленный пролетариатъ на соціально-политическую изолированность. И слава Богу, что не обрекаетъ. Начавши недавно только выдѣляться изъ закрѣпощеннаго государству, мало-культурнаго крестьянства, онъ и теперь еще, въ массѣ, слишкомъ глубоко тонетъ въ общено-народномъ варварствѣ и невѣжествѣ, чтобы быть въ состояніи — въ тискахъ абсолютизма — совершенно самостоятельно, безъ всякой посторонней поддержки, подняться на высоту сознательной революціонной силы. Еще меньше шансовъ

имѣла бы наша „революціонная рабочая партія“ рости и энергично проявлять себя въ жизни, еслибъ ей пришлось уже на современной низкой ступени интеллигентального и культурного развитія народныхъ массъ въ Россіи, на почвѣ самодержавно-полицейского государства, вести борьбу противъ всѣхъ буржуазныхъ и мелко-буржуазныхъ классовъ, какъ противъ „одной сплошной реакціонной массы“. А между тѣмъ, марксистская молодежь 80-хъ годовъ какъ бы совершенно не сознавала значенія этихъ моментовъ и видѣла единственную гарантію успѣховъ нашего соціальдемократического движения въ численномъ ростѣ фабрично-заводскаго пролетариата. Эта точка зрењія могла уживаться кое-какъ чисто-пропагандистской дѣятельностью въ маленькихъ кружкахъ изъ отборныхъ единицъ рабочаго класса. Но она становится несомнѣстимой съ организаціонной и агитаціонной дѣятельностью въ массахъ. Боевой характеръ ея обусловливаетъ огромныя потери силы и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ значительного контингента инициативныхъ элементовъ и организаторовъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи крупныя литературные силы и материальныя средства. Для непрерывной революціонной борьбы необходима, наконецъ, и сочувственная внѣшняя атмосфера, т. е. если не явное, то хоть скрытое благоволеніе широкихъ общественныхъ слоевъ, не стоящихъ цѣликомъ на точкѣ зрењія идеологовъ революціонного пролетариата.

Такимъ образомъ, помимо даже широкихъ политическихъ соображеній, одинъ повседневныи нужды нашего движенія въ новомъ его фазисѣ выдвигаютъ на очередь вопросъ о возможно широкомъ воздействиѣ русской соціальдемократіи на тѣ слои населенія, которые, хотя и не принадлежать къ рабочему классу, тѣмъ не менѣе, страдаютъ отъ современныхъ порядковъ. Но для воздействиѣ на эти слои отнюдь нѣтъ необходимости, чтобы соціальдемократы отправились дѣйствовать въ ихъ средѣ. Задача приобрѣтенія русскими соціальдемократами приверженцевъ и прямыхъ или косвенныхъ со-

юзниковъ среди не-пролетарскихъ классовъ решается прежде всего и главнымъ образомъ характеромъ агитационно-пропагандистской дѣятельности въ средѣ *самого пролетариата*. До сихъ поръ дѣятельность эта вращалась почти цѣликомъ вокругъ непосредственно экономической эксплуатациѣ рабочихъ нанимателями. Указанная же задача требуетъ расширенія объема агитации и пропаганды вопросами, представляющими собою узловые пункты, въ которыхъ сходятся и переплетаются интересы какъ пролетариата, такъ и другихъ классовъ, угнетаемыхъ или тѣснѣмыхъ абсолютизмомъ и покровительствующимъ имъ капиталистической буржуазіей. Но эти вопросы оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, самыми важными и существенными въ настоящее время для нашего пролетариата. Слѣдовательно, подчеркивая и выдигая ихъ, наша пропаганда и агитация будутъ наиболѣе пѣлесобразны и съ точки зрењія, имѣющей въ виду исключительно развитіе политического сознанія рабочихъ.

Принимая во вниманіе соціальную безпомощность крестьянскихъ массъ и политическое безсиліе нашихъ образованныхъ классовъ, можно напередъ сказать, что соціальдемократическая тактика, построенная на только что указанныхъ соображеніяхъ, будетъ на каждомъ шагу обнаруживать общенациональное значеніе нашего рабочаго движенія, какъ фактора, наиболѣе сильного и наиболѣе решительно дѣйствующаго въ борьбѣ противъ отсталаго общественно-политического строя Россіи. А это, въ свою очередь, явится источникомъ воздействиѣ соціальдемократіи въ крестьянствѣ и среди высшихъ классовъ, которымъ приходится терпѣть отъ этого строя. По мѣрѣ же роста ея значенія и популярности, какъ наиболѣе решительного и передового борца за общенародные интересы и за прогрессъ, либеральнымъ слоемъ придется въ своей легальной дѣятельности все болѣе и болѣе считаться съ потребностями и стремленіями пролетариата. Это значитъ, что легальная усилія и средства, которыми прогрессивные элементы высшихъ клас-

совоъ стараются упрочить и усилить свое вліяніе на общество и государство, будуть непосредственно служить и на пользу создания условій, благопріятствующихъ политическому развитию и организаціи рабочихъ въ оковахъ деспотического государства.

Время и мѣсто не позволяютъ мнѣ дольше останавливаться на высказанныхъ здѣсь положеніяхъ. Онъ лишь намѣчаютъ, но далеко не исчерпываютъ тактическихъ вопросовъ русской соціальдемократіи. Намѣченную выше тактическую точку зрѣнія я отчасти примѣнилъ въ области литературной пропаганды среди рабочихъ — въ статьяхъ своихъ, помѣщенныхъ въ двухъ вышедшихъ книжкахъ соц.-демократического сборника „Работникъ“. Надѣюсь, въ скоромъ времени буду имѣть случай подробнѣе поговорить о современныхъ тактическихъ задачахъ русской соціальдемократіи. Теперь же позвольте мнѣ ограничиться вышеизложенными общими замѣчаніями.

Не могу не воспользоваться случаемъ, чтобы не выразить Вамъ*) и всему Вашему обществу искренней признательности за ту нравственную и материальную поддержку, которую русско-американские товариши не переставали оказывать русской соціальдемократіи почти съ первого момента ея зарожденія вплоть до настоящей минуты. Крѣпко жму Вамъ руки и шлю соціальдемократій привѣтъ всѣмъ товарищамъ.

ВТОРОЕ ПИСЬМО.

Декабрь 1897 г.

ДОРОГІЕ ТОВАРИЩІ!

Русская соціальдемократія переживаетъ теперь въ высшей степени важный моментъ. Стачечное движение послѣднихъ двухъ лѣтъ, охватившее промышленные центры Россіи и цѣлые области, показало, что русские соціаль-

*) Редакторамъ проектировавшагося сборника.

демократы пустили уже корни въ рабочую массу и являются организаторами и руководителями въ ея повседневныхъ столкновеніяхъ съ эксплуататорами. Такимъ образомъ, они въ какіе-нибудь два года изъ мирныхъ пропагандистовъ-просвѣтителей и саморазвивающихся приверженцевъ Маркса превратились въ живую, активную революціонную силу. Но эта сила находится еще въ первыхъ стадіяхъ своего развитія, и дальнѣйший ростъ ея далеко еще не обеспеченъ.

Что наше рабочее движение не остановится и не замрѣтъ — подъ гнетомъ царско-полицейского самовластія — въ этомъ нечего сомнѣваться, за это ручается все экономическое развитіе Россіи. Но будетъ ли оно впередъ рости и крѣпнуть подъ знаменемъ соціальдемократіи — это другой вопросъ. А между тѣмъ, отъ положительного или отрицательного его рѣшенія зависѣтъ историческое значеніе борьбы рабочихъ съ предпринимателями и ихъ политическая роль въ современной Россіи. Да не только классовые интересы пролетариата, весь ходъ внутренняго политического развитія Россіи зависятъ въ значительной мѣрѣ отъ того или иного характера и направленія нашего рабочаго движения. Въ настоящую минуту, быть можетъ, подготовляется это рѣшеніе, и потому-то я считаю ее весьма важнымъ моментомъ въ жизни русской соціальдемократіи.

Двѣ перспективы рисуются мнѣ въ недалекомъ будущемъ:

Рабочее движение не выходитъ изъ тѣснаго руслы чисто экономическихъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями, и само по себѣ, въ цѣломъ, лишено политического характера. Въ борьбѣ же за политическую свободу передовыя слои пролетариата идутъ за революціонными кружками или фракціями изъ такъ-называемой интеллигенції. Словомъ, освободительное движение идетъ, если не совсѣмъ, то въ одномъ, очень важномъ отношеніи, тѣмъ же путемъ, какъ и на Западѣ въ давно-прошедшія времена, когда и тамъ еще господствовалъ монархически-чиновничій произволъ: ра-

бочія массы не играютъ въ немъ самостоятельной революціонной роли, онѣ идутъ за буржуазной интеллигентіей и сражаются за свободу не подъ собственнымъ знаменемъ, а подъ чужимъ.

Другая перспектива: Соціальдемократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу, *частью рядомъ и въ союзѣ* съ буржуазными революціонными фракціями (поскольку таковыя будуть въ наличности), а частью же привлекая прямо въ свои ряды или увлекая за собою наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигентіи. Очевидно, эта послѣдняя перспектива требуетъ отъ рабочихъ гораздо болѣе высокаго уровня политического сознанія и самосознанія, чѣмъ первая, при которой руководителями революціонного движенія были бы представители буржуазныхъ классовъ, а пролетаріатъ явился бы лишь руководимой, слѣпо идущей за ними массой.

Имѣются-ли въ русской жизни средства, необходимыя для развитія въ русскихъ рабочихъ такой политической сознательности и самодѣятельности, которая сдѣлали бы ихъ способными организоваться въ самостоятельную и отчасти руководящую революціонную партію? Таковъ, поэтому, первый, можно сказать, основной вопросъ, отъ решенія котораго зависить дальнѣйшая судьба русской соціальдемократіи. Если таковыхъ средствъ не имѣется, другими словами, если нѣтъ возможности доставить русскому пролетаріату самостоятельную, передовую роль въ борьбѣ противъ царско-полицейского самовластія и самоуправства, то русская соціальдемократія не имѣть историческаго права на существование. Она въ такомъ случаѣ лишена всякой жизнеспособности и своимъ существованіемъ скорѣе тормозила бы ростъ революціонного движенія, чѣмъ способствовала бы ему.

Къ счастью для нашего пролетаріата, русская жизнь отвѣчаетъ на поставленный выше вопросъ вполнѣ утвердительно. Однимъ изъ основныхъ условій для раз-

витія рабочихъ служитъ широкое распространеніе элементарнаго образованія въ ихъ средѣ, дающаго возможность, при посредствѣ газетъ и книгъ, расширять свой умственный кругозоръ, находиться въ умственномъ общеніи съ міровымъ историческимъ движениемъ и получать толчки и возбужденіе для мысли отъ идей и событий, наполняющихъ жизнь образованнаго, мыслящаго и дѣйствующаго человѣчества. Народное образованіе стоитъ у насъ еще на низкой ступени; даже простая грамота далеко еще не всему населенію доступна. Но все-же Россія сдѣлала уже значительные успѣхи въ этомъ отношеніи и за дальнѣйшіе, еще болѣе быстрые успѣхи ручаются настоятельный нужды высшихъ классовъ и самого правительства. Благодаря этимъ нуждамъ, у членъ уже получили значительное распространеніе и развитіе такія образовательныя средства, какъ народныя школы, народныя читальніи и библіотеки, общедоступная популярная чтенія, дешевая народная литература и периодическая печать. Конечно, все это далеко еще не соотвѣтствуетъ потребностямъ населенія, но движеніе на пользу общенародного просвѣщенія не можетъ остановиться, наоборотъ, оно будетъ дальше идти ускореннымъ шагомъ, расширяя и укрѣпляя умственную почву для дѣятельности соціаль-демократовъ въ рабочей массѣ.

Но грамотность и даже образованіе становятся орудіемъ для пробужденія народныхъ массъ къ политической самодѣятельности лишь тамъ, где общественная жизнь бьетъ живымъ ключомъ, где происходитъ борьба между различными классами населенія въ органахъ общественного самоуправления, въ собранияхъ и печати, где, наконецъ, существуетъ и проявляется подъ разными формами и разными путями недовольство правительствомъ и всѣмъ государственнымъ строемъ. Въ конституціонныхъ странахъ всѣхъ этихъ двигателей и орудій политического развитія рабочихъ массъ имѣется вдоволь, и государственный порядокъ самъ благопріятствуетъ кипучей общественно-политической жизни. У

нась, разумѣется, пока и рѣчи быть не можетъ о такой кипучей жизни. Наши земскія собранія и городскія думы, ихъ пренія и ходатайства передъ правительствомъ, наши разнообразные съѣзды и общественные собрания, наша либеральная печать и другіе легальные органы общественной самодѣятельности представляютъ собою лишь частички конституціонной жизни, и притомъ частички, разведенныя бочками воды, наполненными враждебными микробами. Однако, какъ они ни слабы, и эти зародыши общественного самоуправления и свободы могутъ послужить опорными точками и двигателями для пробужденія и воспитанія русского пролетаріата къ политической жизни. Не смотря на свою тѣлесную слабость, они заключаютъ въ себѣ огромную революціонную силу, находящуюся теперь еще въ скрытомъ, неразвитомъ состояніи, но легко могущую превратиться въ живую, дѣйствующую, подъ вліяніемъ энергичной работы соціальдемократовъ среди рабочихъ. Можно даже сказать (съ извѣстными оговорками), что зачаточные элементы конституціонной жизни въ современной Россіи непосредственно заключаютъ въ себѣ больше революціонного духа, чѣмъ развитыя конституціонныя формы на Западѣ. Больше потому, что на Западѣ высшіе классы, начиная съ эксплуататорскихъ, и кончая тѣми слоями, которые у насъ называются "интеллигенціей", склонны къ консерватизму и пользуются находящимся въ ихъ рукахъ законодательною властью, даже наукой и печатью, для борьбы противъ революціонныхъ стремленій пролетаріата. Въ Россіи же значительная часть этихъ классовъ, и въ особенности наиболѣе политически развитые изъ слоевъ сами заражены "разрушительными стремленіями" и не могутъ не пользоваться всѣми доступными имъ путями и средствами для скрытой или явной борьбы противъ царско-полицейского всевластія и противъ безправія народныхъ массъ, служащаго фундаментомъ для этого всевластія. Это, разумѣется, кладетъ соотвѣтствующій отпечатокъ, какъ на либеральную

прессу, такъ и на всю общественную дѣятельность нашихъ образованныхъ круговъ.

При такихъ условіяхъ, и такія, сами по себѣ невинныя, учрежденія, какъ наши органы общественного самоуправлія и наша печать, должны стать орудіями для революціонизированья народныхъ массъ. Но, разумѣется, безъ энергического воздействиія соціальдемократовъ, условія эти могутъ, по отношенію къ политическому развитію нашего пролетаріата, остатись въ состояніи вяло дѣйствующей, дремлющей силы. Они могутъ, пожалуй, и послужить въ рукахъ революціонеровъ изъ либерально-демократической интеллигенціи на пользу его революціонизированья, но далеко не въ томъ смыслѣ, какъ этого требуютъ настоящіе и будущіе его классовые интересы; интересы эти требуютъ, чтобы русскій рабочій классъ уже теперь началъ организовываться въ самостоятельную революціонную партію и выступать, какъ самостоятельная политическая сила.

Къ сожалѣнію, наши соціальдемократические кружки чрезвычайно далеки еще отъ тактики, имѣющей цѣлью всестороннимъ образомъ пользоваться прогрессивными элементами русской жизни въ интересахъ только-что указанной задачи. Помимо виѣшнихъ, не зависящихъ отъ нихъ обстоятельствъ, главной помѣхой къ выработкѣ такой тактики служитъ господствующая среди нихъ точка зрѣнія, сѫживавшая сферу дѣятельности русской соціальдемократіи организаціей рабочихъ для борьбы съ предпринимателями и активнымъ участіемъ въ стачкахъ. Конечно, отнюдь не всѣ изъ Васъ, дорогіе товарищи, такъ узко смотрятъ на дѣло, да и большинство на практикѣ отклоняется нѣсколько отъ этой точки зрѣнія. Но въ общемъ, она несомнѣнно гораздо больше господствуетъ въ русской соціальдемократіи, чѣмъ бунтарская воззрѣнія господствовали среди революціонной интеллигенціи 70-хъ годовъ.

Она, можно сказать, является своего рода возрожденіемъ бунтарства, только на новой соціальной почвѣ и на другомъ теоретическомъ фундаментѣ. Бунтарство

революционного народничества представляло собою утопию въ практическомъ отношеніи, но было вмѣстѣ съ тѣмъ революціонно по своимъ теоретическимъ и логическимъ предпосылкамъ. Оно исходило изъ того предположенія, что крестьянинъ имѣетъ уже въ головахъ готовый „соціалистический идеаль“ и что борьба „на почвѣ мѣстныхъ нуждъ и интересовъ“ поможетъ имъ сплотиться и направить свои силы противъ *всего существующаго строя*, во имя этого назрѣвшаго въ народной средѣ идеала. И къ чему могла и должна была сводиться мелкая подготовительная борьба крестьянства? Къ частнымъ, но организованнымъ стычкамъ съ угнетателями народа, начиная съ помѣщиковъ и провинциальныхъ властей и кончая кулаками и ростовщиками. Практика революционного народничества была построена на узкомъ фундаментѣ, узкомъ уже потому, что оно не брало въ разсчетъ такихъ новыхъ первостепенныхъ силъ дѣйствительности, какъ промышленный пролетариатъ и промышленная буржуазія. Но бакунизмъ прямо толкалъ революціонные элементы на борьбу съ отсталыми общественными и политическими условіями русской жизни; поэтому, практика его отличалась непосредственно революціоннымъ характеромъ. Воззрѣнія же, по которымъ стачки должны служить единственной или главной формой освободительного движенія пролетариата, ставятъ гораздо болѣе узкія рамки самодѣятельности послѣдняго и *непосредственно* далеко не такъ революціонно, какъ бунтарство.

Пролетариатъ, по сознанію самихъ соціальдемократовъ, не обладаетъ готовымъ, исторически выработаннымъ, соціальнымъ идеаломъ. „Экономическая борьба“ съ предпринимателями должна еще медленнымъ путемъ выработать въ его сознаніи такой „идеаль“, ироніче говоря, — подготовить рабочихъ къ пониманію окончательныхъ цѣлей соціализма. Но даже на Западѣ, гдѣ буржуазія имѣеть въ рукахъ своихъ законодательную власть и управление государствомъ, даже въ такихъ странахъ стачки являются лишь однимъ изъ главныхъ

двигателей революціоннаго развитія пролетаріата. Даже тамъ, гдѣ буржуазія господствуетъ непосредственно во всѣхъ сферахъ общественной и политической жизни, столкновенія рабочихъ съ ихъ эксплуататорами иногда въ теченіе довольно продолжительного периода не разъвивали въ пролетаріатѣ классового политического самосознанія. И если въ немъ проявлялись политическая страсти и стремленія, то обыкновенно подъ вліяніемъ буржуазныхъ партій и ихъ междуусобій. Только въ Германіи и Австріи рабочее движеніе почти съ самаго начала прияло характеръ *классового политического* движенія пролетаріата. Но здѣсь соціальдемократія почти съ первыхъ же шаговъ своей жизни съумѣла гармонически и органически сочетать энергическое и неустранное участіе въ частныхъ столкновеніяхъ рабочихъ и предпринимателей съ систематической борьбой противъ современного государства и многообразныхъ проявленій его гнета надъ всѣми трудящимися массами. Германская и австрійская соціальдемократія, можно сказать, ознаменовали свое появленіе на свѣтѣ тѣмъ, что сразу начали производить аттаѣкъ противъ буржуазнаго строя съ разныхъ сторонъ.

Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что мы во всемъ должны подражать нашимъ старшимъ сестрамъ въ передовыхъ странахъ. Мы уже потому не можемъ имъ подражать, что нашъ общественный строй еще *не совсѣмъ* буржуазный, что онъ еще покоится на соціально-политическомъ фундаментѣ, завѣщанномъ дворянско-крѣпостнической эпохой. Но это-то обстоятельство и дѣлаетъ опаснымъ одностороннее увлеченіе стачками, какъ главнымъ орудіемъ революціоннаго воспитанія и какъ единственнымъ способомъ проявленія революціонной самодѣятельности пролетаріата. Опаснымъ я его считаю именно потому, что, будучи плодомъ недостаточнаго вниманія къ низшаго, такъ сказать, порядка отношеніямъ въ русской дѣйствительности, увлеченіе это, съ своей стороны, способствуетъ упроченію и укорененію индифферентизма среди русскихъ соціальдемократовъ

ко многимъ фактамъ и явленіямъ русской жизни, обусловливающимъ историческое положеніе нашего пролетариата, а слѣдовательно, и современныя задачи его соціальнодемократического авангарда. Оно вредно уже тѣмъ, что, съуживая умственный кругозоръ передовыхъ рабочихъ узко-классовыми интересами въ томъ грубомъ смыслѣ, какой вкладываютъ буржуа всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ въ ученія соціальной демократіи, замедляетъ собственное полититическое развитіе этихъ рабочихъ и мѣшаетъ имъ выйти изъ стадіи политического младенчества. А это, въ свою очередь, становится тормазомъ для приобрѣтенія нашимъ пролетаріатомъ того центрального и передового политического значенія, которое онъ могъ бы приобрѣсти въ современной Россіи, благодаря политическому безсилію всѣхъ другихъ классовъ.

Не смотри на свою соціальную беспомощность и полную безкультурность, крестьянство наше являлось до сихъ поръ средоточиемъ заботъ и симпатій прогрессивныхъ и революціонныхъ слоевъ интеллигенціи. Почему? Между прочимъ и потому, что они лишь въ немъ видѣли и видятъ какъ бы соціальное воплощеніе своихъ прогрессивныхъ стремлений и рычагъ для избавленія отъ сковывающей русскую жизнь государственного строя. Односторонняя же практика русскихъ соціальдемократовъ замедляетъ развитіе въ интеллигенціи такого же отношенія къ рабочему классу, не смотря на то, что послѣдній исторически дѣйствительно призванъ къ роли главной революціонной силы въ освободительномъ движениі противъ устарѣлыхъ политическихъ порядковъ.

Во избѣжаніе недоразумѣнія замѣчу, что я далекъ отъ мысли умалить значение такъ-называемой „экономической борьбы“. Наоборотъ, она составляетъ для меня аксіому, истину, не требующую доказательствъ, и распространяться о которой значило бы оскорблять развитого читателя. Предыдущія замѣчанія исходятъ, поэтому, изъ того предположенія, что первостепенная важность стачекъ и вообще частныхъ столкновеній рабо-

чихъ съ капиталистами для освободительного движенія пролетариата признается всѣми русскими соціальдемократами, какъ уже нѣчто само собой подразумѣвающееся, вошедшее въ ихъ общее сознаніе. Но у насъ при этомъ не замѣчаютъ обратной стороны медали. Многіе совершенно упускаютъ изъ виду, что нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ стачки не связаны съ такими препятствіями и съ такими жертвами, какъ въ Россіи. И въ то же время нѣтъ такой страны на Западѣ, где бы рабочій классъ былъ такъ бѣденъ интеллигентными, организаціонными и материальными средствами, какъ у насъ. Слѣдовательно, есть полное основаніе опасаться, что дальнѣйшее одностороннее развитіе стачечного движения можетъ отразиться времененнымъ истишениемъ нашихъ силъ и повлечь за собой періодъ разочарованія и реакціи въ рядахъ нашихъ и въ самой народной массѣ. Только постоянно возрастающій притокъ новыхъ силъ изъ интеллигенціи и сочувствие нашему движенію со стороны прогрессивныхъ слоевъ высшихъ классовъ вообще могли бы обеспечить насъ противъ такой тѣгостной перспективы. А для созданія себѣ такой опоры въ этихъ классахъ, мы должны всею своею практической дѣятельностью, включая и сферу чисто экономической борьбы, наглядно и неустанно обнаруживать обще-демократическая задачи нашего движения и такимъ путемъ популяризировать обще-національное революціонное его значеніе для современной Россіи.

Кромѣ того, необходимо иметь въ виду и перспективу затишья въ стачечныхъ волненіяхъ. Какъ уже справедливо замѣтилъ Петербуржецъ въ своей прекрасной статьѣ „По поводу с.-петербургской стачки“ (№ 3-4 сборника „Работникъ“), — „такія событія, какъ петербургская стачка, не могутъ ни долго тянуться, ни часто повторяться“. Куда же дѣнется, на что будетъ затрачена энергія уцѣльвшихъ живыхъ революціонныхъ силъ пролетариата? Въ концѣ 70-хъ годовъ такія силы уходили въ террористическое движение и затеривались въ общей массѣ революціонной интеллигенції, ни на

волосъ не способствовавъ ни подъему политического сознанія въ рабочей массѣ, ни усиленію тяготънія въ прогрессивныхъ слояхъ общества къ пролетариату, какъ къ новой народно-революціонной общественной силѣ. Отчего бы еще разъ не повториться такому явленію, разъ наиболѣе энергичные и интелигентные представители нашего пролетариата не найдутъ примѣненія своимъ силамъ и исхода своимъ политическимъ стремленимъ — подъ флагомъ соціальдемократіи?

Пора, однако, остановиться. Я взялся за перо совсѣмъ не съ намѣреніемъ подробно разобрать недостатки нашей тактики и излагать свои положительные взгляды на нее. Для этого рамки газетнаго письма слишкомъ тѣсны. Затѣмъ, многое изъ того, что относится къ области тактическихъ вопросовъ, можетъ быть должнымъ образомъ обсуждено только путемъ коллективныхъ совѣщаній дѣйствующихъ товарищев на мѣстныхъ и общихъ сѣездахъ.

Быть можетъ, обсужденіе тактическихъ вопросовъ и выработка общей программы дѣйствія положить начало или дастъ, по крайней мѣрѣ, рѣшительный толчокъ дѣлу объединенія революціонныхъ рабочихъ кружковъ и союзовъ въ „русскую рабочую революціонную партію“. До тѣхъ же поръ, пока не состоится такое объединеніе на почвѣ общей тактики, русская соціальдемократія будетъ все еще представлять собою только зародышъ, а отнюдь не живой, полный силъ организмъ, по праву носящий это название.

Резюмируя свои крайне бѣглые и очень отрывочные замѣчанія, я скажу, что наиболѣе насущные вопросы и задачи нашего движенія группируются теперь вокругъ одного вопроса или одной задачи, которая можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: развинуть рамки и расширить содержаніе нашей пропагандистско-агитационной и организаторской дѣятельности.

Въ заключеніе прошу васъ, дорогіе товарищи, принять мой братскій привѣтъ и искреннее пожеланіе успѣха предпринятыму вами изданію. Отъ всей души

желаю, чтобы „Рабочая Газета“ достойно выполнила свое назначеніе — служить органомъ для всѣхъ нашихъ соціальдемократическихъ группъ — и способствовала бы скорѣшему переходу нашего движенія въ періодъ возмужалости.

II. Аксельродъ.

ПРОЭКТЪ ПРОГРАММЫ РУССКИХЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТОВЪ*).

Русские соціаль-демократы, подобно соціаль-демократамъ другихъ странъ, стремятся къ полному освобожденію труда отъ гнета капитала. Такое освобожденіе можетъ быть достигнуто путемъ перехода въ общественную собственность всѣхъ средствъ и предметовъ производства, перехода, который повлечетъ за собою:

а) Устраненіе современного товарищаго производства (т. е. купли и продажи продуктовъ на рынке) и

б) Замѣну его новой системой общественного производства по плану, заранѣе составленному, въ виду удовлетворенія потребностей, какъ цѣлаго общества, такъ и каждого изъ его членовъ, въ предѣлахъ, допускаемыхъ состояніемъ производительныхъ силъ въ данное время.

Эта коммунистическая революція вызоветъ самая коренная измѣненія во всемъ складѣ общественныхъ и международныхъ отношеній.

Замѣненія современное господство продукта надъ производителемъ — господствомъ производителя надъ продуктомъ, она внесетъ сознательность туда, гдѣ господствуетъ нынѣ слѣпая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая всѣ общественные отношенія, она, вмѣсть съ тѣмъ, предоставить каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредствен-

*) Программа эта была издана въ 1885 г.

наго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ обществен-
ныхъ дѣлъ.

Это непосредственное участіе гражданъ въ завѣды-
ваніи общественными дѣлами предполагаетъ устраненіе
современной системы политического представительства
и замѣну ея *прямымъ народнымъ законодательствомъ*.

Кромѣ того, теперь уже можно предвидѣть между-
народный характеръ предстоящей экономической рево-
люціи. При современномъ развитіи международного
обмѣна, упроченіе этой революціи возможно лишь при
участіи въ ней всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, нѣсколь-
кихъ цивилизованныхъ обществъ. Отсюда вытекаетъ
солидарность интересовъ производителей всѣхъ странъ,
признанная и провозглашенная еще Международнымъ
Товариществомъ Рабочихъ.

Но такъ какъ освобожденіе рабочихъ должно быть
дѣломъ самихъ рабочихъ, такъ какъ интересы труда
въ общемъ діаметрально противоположны интересамъ
эксплуататоровъ, и такъ какъ, поэтому, высшіе классы
всегда будутъ препятствовать указанному переустрой-
ству общественныхъ отношеній, — то неизбѣжнымъ
предварительнымъ его условіемъ является *захватъ ра-
бочимъ классомъ политической власти въ каждой изъ
соответствующихъ странъ*. Только это временное гос-
подство рабочаго класса можетъ парализовать усилия
контрь-революціонеровъ и положить конецъ существова-
нію классовъ и ихъ борьбѣ.

Эта политическая задача вноситъ элементъ разнооб-
разія въ программы соціаль-демократовъ различныхъ
государствъ, сообразно общественнымъ условіямъ каж-
даго изъ нихъ въ отдѣльности.

Практическая задача, а слѣдовательно, и программы соціаль-демократовъ естественно должны имѣть болѣе
сложный характеръ въ тѣхъ странахъ, где современное
капиталистическое производство только стремится еще
стать господствующимъ, и где трудящіяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархального хозяйства. Въ

такихъ странахъ соціаль-демократамъ приходится доби-
ваться, какъ переходныхъ ступеней, такихъ формъ
общественного устройства, которыя уже теперь суще-
ствуютъ въ передовыхъ странахъ, и необходимы для
далѣйшаго развитія рабочей партіи. Россія находится именно въ такомъ положеніи. Капитализмъ сдѣлалъ въ
ней громадные успѣхи со времени отмѣны крѣпостного
права. Старая система натурального хозяйства уступа-
етъ мѣсто товарному производству и тѣмъ самымъ
открываетъ огромный внутренній рынокъ для крупной
промышленности. Патріархальная, общинная формы
крестьянского землевладѣнія быстро разлагаются, об-
щина превращается въ простое средство закрѣпощенія
государству крестьянского населенія, а во многихъ
мѣстностяхъ она служитъ также орудіемъ эксплуатациії
бѣдныхъ общинниковъ богатыми. Въ то же время, прі-
урочивая къ землѣ интересы огромной части произво-
дителей, она препятствуетъ ихъ умственному и поли-
тическому развитію, ограничивая ихъ кругозоръ узкими
предѣлами деревенскихъ традицій. Русское революціон-
ное движение, торжество которого послужило бы прежде
всего на пользу крестьянства, почти не встрѣчаетъ въ
немъ ни поддержки, ни сочувствія, ни пониманія. Глав-
нѣйшая опора абсолютизма заключается именно въ
политическомъ безразличіи и умственной отсталости
крестьянства. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является
безсиліе и робость тѣхъ образованныхъ слоевъ
высшихъ классовъ, материальными, умственными и нрав-
ственными интересами которыхъ противорѣчить совре-
менная политическая система. Возвышенія голосъ во имя
народа, они съ удивленіемъ видятъ, что онъ равноду-
шъ къ ихъ призываамъ. Отсюда — неустойчивость
политическихъ возврѣній, а временами — уныніе и пол-
ное разочарованіе нашей интеллигенціи.

Такое положеніе дѣлъ было бы вполнѣ безнадежно, если бы указанное движение русскихъ экономическихъ
отношеній не создавало новыхъ шансовъ успѣха для
защитниковъ интересовъ трудящагося класса. Разложе-

ніє общини создаетъ у насъ новый классъ промышленного пролетариата. Болѣе воспріимчивый, подвижный и развитой, классъ этотъ легче отзыается на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое земледѣльческое населеніе. Между тѣмъ какъ идеаль общинника лежить назади, въ тѣхъ условіяхъ патріархального хозяйства, необходимымъ политическимъ дополненіемъ которыхъ было царское самодержавіе, участъ промышленного рабочаго можетъ быть улучшена лишь благодаря развитію новѣйшихъ, болѣе свободныхъ формъ общежитія. Въ лицѣ этого класса народъ нашъ впервые попадаетъ въ экономическая условия, общія всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, а потому только черезъ посредство этого класса онъ и можетъ принять участіе въ передовыхъ стремленіяхъ цивилизованаго человѣчества. На этомъ основаніи, русскіе соціаль-демократы считаютъ первою и главнѣйшую своею обязанностью образованіе революціонной рабочей партії. Ростъ и развитіе такой партіи встрѣтитъ, однако, въ современномъ русскомъ абсолютизмѣ очень сильное препятствіе.

Поэтому, борьба противъ него обязательна даже для тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые представляютъ собою теперь зачатки будущей русской рабочей партіи. Низверженіе абсолютизма должно быть ихъ первой политической задачей.

Главнымъ средствомъ политической борьбы рабочихъ кружковъ противъ абсолютизма русскіе соціаль-демократы считаютъ агитацию въ средѣ рабочаго класса и дальнѣйшее распространеніе въ ней соціалистическихъ идей и революціонныхъ организаций. Тѣсно связанный между собою въ одно стройное цѣлое, организаціи эти, не довольствуясь частными столкновеніями съ правительствомъ, не замедлятъ перейти, въ удобный моментъ, къ общему, рѣшительному на него нападенію, при чемъ не остановится и передъ такъ-называемыми террористическими фактами, если это окажется нужнымъ въ интересахъ борьбы.

Цѣлью борьбы рабочей партіи съ абсолютизмомъ

является завоеваніе демократической конституції, обеспечивающей:

1) Право быть избирателемъ и избираемымъ какъ въ Законодательное Собраніе, такъ и въ провинціальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судомъ, за извѣстныя, строго опредѣленныя закономъ, позорныя дѣйствія, къ потерѣ политической правоспособности.

2) Опредѣленную закономъ денежную плату народнымъ представителямъ, позволяющую выбирать ихъ изъ бѣдныхъ классовъ населенія.

3) Всеобщее, свѣтское, даровое и обязательное образованіе, при чемъ государство должно снабжать бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями.

4) Неприкословенность личности и жилища гражданъ.

5) Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній и ассоціацій.

6) Свободу передвиженій и занятій.

7) Полную равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ религіи и племенного происхожденія.

8) Замѣну постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа.

9) Пересмотръ всего нашего гражданскаго и уголовнаго законодательства, уничтоженіе сословныхъ подраздѣленій и наказаній, несовмѣстныхъ съ достоинствомъ человѣка.

Опираясь на эти основныя политическія права, рабочая партія выдвинетъ рядъ ближайшихъ экономическихъ требованій, какъ напр.:

1) Радикального пересмотра нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленія ею крестьянскихъ обществъ. Предоставленіе права отказа отъ надѣла и выхода изъ общинъ тѣмъ изъ крестьянъ, которые найдутъ это для себя удобнымъ, и т. п.

2) Устраненія современной податной системы и установленія прогрессивнаго подоходнаго налога.

3) Законодательного регулированія отношеній ра-

бочихъ (городскихъ и сельскихъ) къ предпринимателямъ и организациямъ соотвѣтствующей инспекціи съ представительствомъ отъ рабочихъ.

4) Государственной помощи производительнымъ ассоциаціямъ, организующимся во всевозможныхъ отрасляхъ земледѣлія, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Эти требование настолько же благородны интересы крестьянства, какъ и интересы промышленныхъ рабочихъ; поэтому, добиваясь ихъ осуществленія, рабочая партія проложить себѣ широкій путь для сближенія съ земледѣльческимъ населеніемъ. Выброшенный изъ деревни въ качествѣ обѣднѣвшаго члена общины, пролетарій вернется въ нее соціаль-демократическимъ агитаторомъ. Его появленіе въ этой роли измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины. Ея разложеніе неотвратимо лишь до тѣлъ поръ, пока само это разложеніе не создастъ новой народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Такою силою явится рабочая партія и увлеченная ею бѣднѣвшая часть крестьянства.

Примечание. Какъ видно изъ вышесказанного, русские соціаль-демократы полагаютъ, что работа интеллигенціи, въ особенности при современныхъ условіяхъ соціально-политической борьбы, должна быть прежде всего направлена на болѣе развитой слой трудящагося населения, какимъ и являются промышленные рабочіе. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, соціаль-демократы могутъ, съ гораздо большою надеждою на успѣхъ, распространить свое содѣйствіе и на крестьянъ, въ особенности въ то время, когда они добываются свободы агитации и пропаганды. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что даже въ настоящее время люди, находящіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ крестьянствомъ, могли бы своей дѣятельностью въ его средѣ оказать важную услугу соціалистическому движению въ Россіи. Соціаль-демократы не только не оттолкнуть отъ себя такихъ людей, но приложить все стараніе, чтобы согласиться съ ними въ основныхъ принципахъ и приемахъ своей дѣятельности.

ИЗДАНІЯ РУССКИХЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТОВЪ

I. Библіотека Современного Соціализма

ПЕРВАЯ СЕРИЯ:

1. Соціализъ и Политическая борьба. — Г. Плеханова.
(Разошлось)	75 с.
2. Развитѣе научнаго соціализма. — Фридриха Энгельса.
(2-ое изданіе)	1 ф. 25 с.
3. Наши разногласія — Г. Плеханова	5 ф.
4. Рѣчь о свободѣ торговли — Карла Маркса.	30 с.
5. Нищета философіи — Карла Маркса	3 ф. 75 с.
6. Фердинандъ Лассаль — Г. Плеханова.	1 ф. 25 с.
7. Чего хотятъ соціаль-демократы? (Разошлось)	1 ф. 25 с.
8. Очеркъ Исторіи Международного Общества Рабочихъ В. И. Засулич. (Разошлось)	1 ф. 85 с.
9. Новый Защитникъ Самодержавія или Горе г. Тихомирова — Г. Плеханова	1 ф. 25 с.
10. Задачи Социалистовъ въ борьбѣ съ голodomъ въ Россіи — Г. Плеханова.	1 ф.

ВТОРАЯ СЕРИЯ:

1. Людвигъ Фейербахъ. — Фр. Энгельса	1 ф. 50 с.
2. Фридрихъ Энгельсъ о Россіи	1 ф.

II. Рабочая Библіотека:

1. Рабочее движеніе и соціальная демократія. — П. Аксельрода. (Почти разошлось)	1 ф. 85 с.
2. Кто чѣмъ живеть? — С. Дикштейна. (Разошлось)	75 с.
3. Рѣчь П. А. Алексѣева.	15 с.
4. Варлень передъ судомъ исправительной полиціи. — В. И. Засулич.	15 с.
5. Еже одній всемирный праздникъ рабочихъ. — Г. Плеханова.	15

6. 1-ое Мая 1891 и адрессъ пет. рабочихъ Шелгунову съ предисловіемъ Г. Плеханова (<i>Разошлось</i>)	50 с.
7. Задачи Рабочей Интеллигенціи. — П. Аксельрода	50 с.
8. Рабочій день, передпѣка съ польскою	50 с.
9. Машина. — Д. Кольцова.	50 с.

III. Соціально-Революціонная Библіотека:

1. Манифестъ Коммунистической Партии.	1 ф.
2. Наёмный трудъ и Капит.—К. Маркса. (<i>Разошлось</i>).	75 с.
3. Программа Работниковъ. — Ф. Лассала (<i>Разошлось</i>)	50 с.

Соціаль-Демократъ, сборникъ (*Разошлось*) 2 ф. 50 с.

Соціаль-Демократъ, литературно-политич. обозрѣніе.

Книга 1. 5 ф. — Кн. 2. 4 ф. — Кн. 3. 4 ф. — Кн. 4. 5 ф.

Работникъ, неперіодический сборникъ, №№ 1 и 2 4 ф.

Работникъ, неперіодический сборникъ, №№ 3 и 4 3 ф.

Рус. рабочій въ революціон. движеніи — Г. Плеханова. 1 ф. 50 с.

Всероссійское раззореніе — Г. Плеханова. (*Разошлось*). 60 с.

Царское правительство и рабочіе. — Д. Кольцова 75 с.

Докладъ русскихъ соц.-демокр. на междунар. раб. конгрессъ въ Лондонѣ въ 1896 г. 50 с.

Объ агитации, съ послѣсловіемъ П. Аксельрода 60 с.

О сущности конституціи. — Ф. Лассала 50 с.

Новый походъ противъ русской соціаль-демократіи.—
Г. Плеханова. 50 с.

Три закона. — Д. Кольцова. 50 с.

Законъ 2-го іюня. — Д. Кольцова. 60 с.

Листокъ „Работника“, № 1 20 с., № 2 15 с., № 3 4 30 с.

Материалы для характеристики положенія русской
печати Вып. 1 2 фр., вып. 2 2 ф

Мартовская революція въ Германіи 25 с.

Къ вопросу о существенныхъ задачахъ и тактикѣ рус-
скихъ соціальдемократовъ. — П. Аксельрода. 40 с.

Цѣна 15 коп.

тадъ изданій при типографії: Ch. de la Roseraie, 19